

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКАЯ ВѢДОМОСТЬ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 8.

СУБОТА, ФЕВРАЛЯ 22 ДНЯ,

1858 ГОДА.

СКУЛЬПТОРЪ ДЕ-КОАЗЕВОКЪ.

Разсказъ (*).

(Посвящается П. Г. Гильдишу.)

Въ концѣ XVII столѣтія, во Франціи жили два талантливыхъ художника: одинъ скульпторъ, другой музыкантъ.— Скульпторъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти себѣ обширную извѣстность. Онъ уврасиаъ, въ Са-

(*) Замѣщованъ изъ Литературнаго Альманаха за 1856 годъ, издаваемаго Жюль-Жаненомъ.

вернѣ, дворецъ кардинала де-Фюрстембергъ; удивительно-искусно устроилъ гробницу Мазарини; многія его произведенія составляли украшеніе королевскихъ замковъ; онъ былъ канцлеромъ академіи художествъ: имя его было Антоній де-Коазевокъ.

Музыкантъ, котораго талантъ ограничивается лишь отчетливою игрою на какомънибудь инструментѣ, можетъ, безъ сомнѣнія, заживо составить себѣ нѣкотораго рода славу; но такъ какъ онъ часто ничего не за-вѣщаетъ потомству, то и послѣсмертная память о немъ обыкновенно бываетъ недолго-вѣчна. Такъ, исторія намъ сохранила смутное воспоминаніе о Габріель Десмарѣ, которыи, однакожъ, былъ первымъ флейтистомъ въ оркестрѣ, устроенному Люлли.

Габріель Десмарѣ жилъ насупротивъ скромной квартиры Коазевока; несмотря на то,

скульпторъ, постоянно работая въ своей уединенной мастерской, не слышалъ мелодическихъ звуковъ флейты Габриеля, заглушая ихъ ударами своего молота; Габриель, въ свою очередь, не обращалъ вниманія на занятія скульптера; но въ жилищѣ Коазевока скрывалось существо, на душу которого обаятельно дѣйствовала художественная игра Десмара.

Нашъ Скульпторъ-академикъ имѣлъ племянницу, которая жила у него подъ опекою. Семнадцати лѣтъ, стройная и привлекательная, съ черными какъ смоль волосами, съ черными же искрящимися глазами, Маріанна, между прочими достоинствами, обладала однимъ замѣчательнѣйшимъ—неодолимою страстью къ музыкѣ. Не мѣшаетъ прибавить, что музыка представляла единственное развлечеіе для молодой дѣвишки, за нравственностию которой строго слѣдила неусыпный опекунъ, державшій ее въ заперти. Скульптору казалось, что строгостію вѣрнѣе всего можно достичнуть цѣли, т. е. предохранить племянницу отъ всякаго соблазна и порока. Такимъ образомъ, бѣдная Маріанна, кромѣ прогулокъ въ Тюльери, вмѣстѣ съ дядею, не знала никакихъ другихъ увеселеній и забавъ, столь свойственныхъ юности. Рукодѣлье, три-четыре ласковыя слова опекуна за завтракомъ и обѣдомъ, безконечные воздушные замки, которые безнаказанно строила представительная сила ея дѣственного воображенія, раздражаемаго старою служанкою Николь:—вотъ условія, изъ которыхъ незатѣйливо слагалось однообразное прозавѣтаніе затворница.

Послѣ того неудивительно, что Маріанна таکъ пристально прислушивалась и воспринимала въ себя сладостные и трогательные звуки флейты Габриеля. Она погружалась въ какое-то самозабвеніе, когда раздавались эти звуки, и роняла все изъ рукъ своихъ; ея взоръ становился неотразимъ; голова держалась прямо и неподвижно: она скрѣпляла свое дыханіе, словно боялась проронить одинъ

отголосокъ этой невыразимо-упоительной мелодіи. Иногда даже, особенно когда старой служанки не было дома, она рѣшалась открыть окно и такимъ образомъ думала какъ бы сократить разстояніе, отдѣляющее ее отъ таинственнаго музыканта. Впрочемъ, Николь вовсе не была опасна для Маріанны; напротивъ, она безоговорочно была предана своей молодой госпожѣ и дѣйствовала съ нею одно; но Маріанна не хотѣла доводить до крайности своей довѣрчивости. Старая служанка была вооружена особыннымъ даромъ наблюдательности, которымъ, какъ известно, почти всѣ устарѣлые дѣвицы богато надѣлены отъ природы; разумѣется, иная больше, иная мѣньше.

— Вотъ что странно, говорила Николь, лишь только соѣдѣ начинаетъ разыгрывать на флейтѣ, какъ ужъ наша госпожа перестаетъ работать, и едва успѣю я выйти изъ комнаты, какъ ей душно и она открываетъ окно, что бы освѣжиться вѣнчаниемъ воздухомъ! Да, въ этомъ молодомъ сердцѣ затаены такія чувства, которыхъ отъ меня долго не могутъ быть скрываемы; когда сосудъ полонъ, тогда жидкость, его наполняющая, непремѣнно должна выступить черезъ край; такъ и въ любви сердце еще неопытной и малосвѣтской дѣвишки не можетъ не сказаться наружу, не можетъ не переполниться.

Маріанна догадывалась, что ея тайна не ускользнула отъ зоркой Николь. При всѣхъ предосторожностяхъ Маріанны, укрывавшейся, такъ сказать, въ засадѣ, Габриель скоро замѣтилъ, что его игра возбуждаетъ сочувствіе въ прекрасномъ существѣ. Онъ съ своей стороны, стала чаше открывать окно, какъ будто для того, что бы дышать свѣжимъ воздухомъ; онъ сидѣлъ у окна съ флейтою въ рукахъ, мастерски исполняя выбранныя пьесы. Съ этихъ поръ онъ приложилъ въ своей игрѣ необыкновенное стараніе, началъ быстро, хотя и тщательно изучать лучшіе музыкальные отрывки, съ тѣмъ, что бы играть ихъ у окна. И почему знать, что игра

подъ окномъ не поглощала всего его таланта и всей души его! Весьма естественноe стремленіе выставить себя на показъ предъ загадочнымъ слушателемъ.

Часто случалось, что нашъ артистъ и его дорогой слушатель въ одну пору открывали каждый свое окно, и, опершись на балконъ, разматривали окружающіе ихъ предметы; но они не смѣли взглянуть другъ на друга: казалось, Габріель истощалъ все свое вниманіе на то, что бы узнать, откуда дуетъ вѣтеръ, а Маріанна сдѣлала взорами за прохожими, которые изрѣдка показывались на улицѣ. Наконецъ, ихъ взоры случайно встрѣтились, и въ юныхъ сердцахъ ихъ въ одно мгновеніе почувствовалось вспышкое, подобное отраженію электрической искры. Маріанна закраснѣлась до ушей, какъ ягода, и мгновенно исчезла; внутренно она положила себѣ зарокомъ не подходить впередъ къ опасному окну и быть благоразумнѣе; но на другой же день она не утерпѣла, опять вышла на балконъ и уставила свои пламенные глаза на музыканта; на этотъ разъ просидѣла дольше подъ окномъ, чувствуя въ себѣ болѣе смѣлости, и уже очень неохотно оставила свое любимое мѣсто. Габріель, желая скрѣе разрѣшить такое двусмысленное положеніе, осмѣялся послать ей привѣтъ, на который Маріанна считала невѣжливостію не отвѣтить изъявленіемъ почтенія и обворожительнымъ наклоненіемъ своей головки. И такъ, наши знакомые незнакомцы неопутительно достигли до другого берега Рубикона; иными словами, они очутились на противоположной сторонѣ Прута.

Но съ этого времени для Маріанны и Габріеля настали величайшія препятствія. Писать? Габріель не отваживался: онъ страшался, что бы Маріанна не подверглась пыткѣ, если бы ихъ связь обнаружилась. Говорить? напрасно онъ старался улучить благопріятную для того минуту; Маріанна только по воспоминаніямъ выходила изъ дома, и то вмѣстѣ съ дядею. Трудно представить себѣ, сколько

замысловъ и плановъ роилось въ отуманенной головѣ Габріеля, крѣпко томившагося своимъ одиночествомъ. Онъ живо ощущалъ потребность сблизиться съ Маріанною, образъ которой всюду преслѣдовала его. Скажемъ, для сохраненія исторической достовѣрности, что Маріанна также мучилась неизвѣстностью и никакъ не могла разгадать, что именно предпринимаетъ Габріель, озабоченный чѣмъ-то важнымъ и по-прежнему привѣтливый. Такъ же и Коазевокъ, склоняясь къ скульптору, спрашивалъ:

«Скульпторъ, по необъяснимому стечению обстоятельствъ, не менѣе своей племянницы былъ занятъ мыслюю объ игрокѣ на флейтѣ. Кто же онъ?»

Въ саду Тюльпера, близъ дворца, неподалеку отъ рѣшетки, выходящей на улицу Риволи, всѣ и каждый удивлялся дивной мраморной группѣ Фавна, играющаго на флейтѣ. Всѣ помыслы Коазевока были тогда обращены въ созерцаніе этого сокровища. Знаменитый артистъ достигъ той зрѣлости таланта, той степени славы, когда изъ полъ его рѣзца уже не должны были являться произведенія благодатной среды. Убѣженный въ этой истинѣ, и къ тому же до энтузиазма преданный своему искусству, онъ неуклонно слѣдовалъ правилу своего современника Боало.—

«Vingt fois sur le mѣties remettre votre ouvrage;

«Polissez le sans cesse et le repolissez»

(Двадцать разъ передѣлывайте свое произведеніе; отѣлывайте его безпрестанно и снова отѣлывайте).

Очень взыскательный къ самому себѣ, Коазевокъ часто передѣлывалъ свою вчерашнюю работу на другой же день: то ему казалось, что положеніе Фавна не доставало естественности и небрежности; то онъ хотѣлъ дать руки, ноги болѣе близкую въ дѣйствительности позу, движение болѣе гибкое. Но чаще всего заставляла его отчаяваться голова. Вообще, игра Фавна на флейтѣ безъ чрезмѣрного вл-

пряженія мускуловъ и вздуванія щекъ была въ большую рѣдкость. И здѣсь-то заключалась вся загадка, которой нужно было найти разгадку, хотя чѣмъ далѣ Коазевокъ подвигался впередъ, тѣмъ менѣе было надежды на успѣхъ. Всѣ его усилия создали не что иное какъ обыкновенную карикатуру. Вся погрѣшность происходила отъ образцевъ, которыхъ онъ подражалъ.

Люди, которые, сами не играя, могугъ, однажды, судить о музыкѣ, находили въ играющемъ на флейтѣ Фавнѣ несчетное число недостатковъ. Скульпторъ превосходилъ образцы. Утромъ вставши, вечеромъ ложась спать, и особенно во время раздѣха, при Маріаннѣ, мечтавшей совсѣмъ о другомъ, и при своей служанкѣ, простосердечно принимавшей участіе въ его неудачѣ, скульпторъ распространялся въ жалобахъ, безъ умолку восклицая:

Чортъ возьми! первое условіе, необходимое для отчетливости этого труда, есть умѣніе играть на флейтѣ.

Въ такомъ состояніи духа находилось семейство скульптора въ тотъ день, когда нечаяно случилось происшествіе, послужившее предметомъ этого разсказа.

Въ тотъ день, спозаранку, на улицѣ Мазаринъ можно было увидѣть тоже явленіе, тѣ же движенія и приемы, которые одинаково продолжались пѣный мѣсяцъ. Оба окна открылись, ярче и шире стала разливаться мелодія, восхващавшая и вѣжившая тонкій слухъ лѣвицы-отшельницы; потомъ у оковъ показались Маріанна и Габріель; потомъ они обмѣнялись привычными привѣтствіями. У Маріанны былъ букетъ розъ, которая, можно было подумать, она изучала со всѣю любознательностию ботаника. Вдругъ она уронила изъ рукъ этотъ букетъ, быть можетъ, и начертенно, мудрено решить. Но мы не вправѣ взводить подобной напраслины на нашу прелестную сиротку. Вѣрѣте всего то, что Габріель съ быстротою молнии соскочила съ своего окна и подняла букетъ. Возвра-

тась къ себѣ, онъ не могъ наглядѣться на чудный букетъ и осипалъ его горячими попѣлуями. Всѣдѣ за этимъ Маріанна пропала въ глубинѣ своей комнаты.

Вдоволь налюбовавшись на роскошный букетъ, надивившись ему отъ всей души,—душѣ, въ которой ярко ложатся всѣ впечатлѣнія, Габріель противъ воли погрузился въ раздумье. Неустрешимая мысль блеснула въ его головѣ, когда онъ замѣтилъ, что скульпторъ вышелъ изъ лому, и направилъ свой путь вдоль по улицѣ Мазаринъ.

Коазевокъ, вопреки своему обыкновенію, такъ рано уходилъ со двора съ цѣлью сдѣлать порядочную прогулку. Онъ, вставши на разсвѣтѣ, заперся въ своей мастерской и усердно занимался отдѣлкою Фавна, того самаго Фавна, который произвелъ въ немъ столь сильную внутреннюю тревогу; онъ совершилъ этотъ трудъ помимо образцевъ, стремясь осуществить однажды задуманный планъ. Какое-то лихорадочное волненіе объяло все его существо, и рѣзецъ въ его руки, по которой пробѣгала нервная дрожь, потерялъ всякую твердость и мѣткость.

До усталости пораженный новыми неудачами, глубоко взволнованный скульпторъ принужденъ былъ поспѣшить на берегъ Сены, чтобы тамъ подышать свободнымъ рѣчнымъ воздухомъ.

Старая Николь еще не спохватилась отъ удовлѣнія, вызванного въ ней странною выходкою Коазевока, какъ услышала чей-то стукъ у двери. Она отперла дверь и лицемъ къ лицу столкнулась съ Габріелемъ, неизъяснимо смущеннымъ и встревоженнымъ.

Новый предметъ удивленія для старой служанки, которая не могла не узнать своего сосѣда, славнаго игрока на флейтѣ.

— Что вамъ угодно, сударь?

Габріель показалъ ей букетъ розъ и пробормоталъ: вотъ цветы, которые я... она...

— Вы, конечно, ошиблись; у насъ не въ обычай принимать букеты.

— Э! Боже мой! возразил Габриель, ободренный добротою, которая видимо отражалась на лицѣ Николь, и только возвращаю чужую собственность.

— Возвращаете!

— Ваша молодая госпожа, нѣсколько минутъ тому, сидѣла у своего окна и нечаянно обронила этотъ букетъ; онъ ей принадлежитъ.

— Очень хорошо, я понимаю: вы, сударь, съ ловкостію молодаго человѣка подняли этотъ букетъ и теперь, пользуясь отсутствіемъ нашаго хозяина, явились сюда.

Улыбка, съ которой было сдѣлано это замѣчаніе, была очень отрадна.

Габриель, не зная что отвѣтить, бросилъ на хитрую Николь умоляющій взоръ.

Отъ радости Габриель чуть-чуть не задушилъ старой служанки въ своихъ объятіяхъ.

Въ эту минуту послышались шаги за дверью, и вдругъ вошелъ Коазевокъ.

— Сударь! нашъ хозяинъ за дверью, воскликнула Николь.

— Куда-же мы сорятались?

Но уже было поздно.

Коазевокъ, при видѣ молодого человѣка, осталбенѣлъ отъ досады.

Габриель не зналъ, какъ спастись. Но опытная и находчивая Николь тутъ же измыслила средство отклонить угрожающую всѣмъ ичь опасность.

— Чему обязанъ я посѣщеніемъ вашимъ, милостивый государь?

Габриель наклонилъ голову и не находилъ, что сказать скульптору въ отвѣтъ.

Изобрѣтательное воображеніе Николь вывело его изъ затруднительного положенія.

— Да, сударь, я готова спорить до слезъ, что причина, по которой очутился здѣсь молодой человѣкъ, вполнѣ основательна и для васъ полезна.

— Вы нѣсколько разъ жаловались, что вашему Фавну не достаетъ умѣнья играть на флейтѣ. Вотъ вамъ живой образецъ!

— Какъ такъ? спросилъ изумленный скульпторъ.

— Это бѣдный молодой человѣкъ, ищущій себѣ какой нибудь должности, котораго мысовѣтовали порекомендовать вамъ; какъ онъ отличнѣо играетъ на флейтѣ, то я и предложила ему быть вамъ образцемъ; за нѣсколько минутъ до вашего прихода онъ уже готовъ былъ изъявить согласіе.

Габриель на все это отвѣталъ утвердительно; онъ совершенно былъ доволенъ находчивостію Николь, оказавшей ему неоплатную услугу.

— Чортъ возьми! Николь, воскликнулъ Коазевокъ, ты мастерски спроворила дѣло!

— А! вы умѣете играть на флейтѣ, мой другъ, и хотите съ пользою употреблять время. Я васъ оставляю у себя на сегодня, на завтра, на восемь дней; я вамъ доставлю обширное поле дѣятельности; я васъ познакомлю со всѣми моими собратами. Словомъ, ими ваше сдѣлается достояніемъ широкоустой молвы.

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣталъ Габриель.

— И такъ! безъ обинаковъ приступимъ къ дѣлу.

Ваше появленіе вноситъ въ мою душу новыя, свѣжія силы.

Габриель несказанно обрадовался приглашенію скульптора; онъ надѣялся встрѣтить здѣсь свою Маріанну.

Погибла надежда! уже нѣсколько дней дѣлалася ихъ работа, а хоть бы мука прилетѣла въ мастерскую. Статуи и другія принадлежности мастерской скульптора:— вотъ предметы, со всѣхъ сторонъ обступавшіе Габриеля.

— Николь не замедлить прелупредить Маріанну, лумаль Габриель, и я уѣхрѣнъ, она придется сюда.

Габриель сѣдѣлъ на небольшой скамьѣ, противъ Фавна. Коазевокъ заставилъ музыканта играть, взялъ въ одну руку молотокъ, въ другую рѣзецъ и всачески старался подражать живому образцу.

— Провалъ меня возьми! я воскресъ изъ мертвыхъ! О! если мы не произведемъ сокровища, то пропади все наше скульпторное искусство! кричалъ восторженный скульпторъ.

Хорошенько разсмотрѣвъ модель, скульпторъ величественнымъ тономъ произнесъ:
— Играйте!

Габріель повиновался. Онъ началъ играть арию изъ оперы Азцестъ.

— Божественная музыка! сказалъ Коазевокъ. Это сочиненіе нашего пріятеля Люлли.

Никогда еще не былъ такъ счастливъ скульпторъ; не прелесть музыки его очаровывала, но блестательное осуществленіе завѣтной мечты его.

— Превосходно! неподражаемо! продолжайте! Непостижимо возрастаю вдохновеніе скульптора; казалось, онъ безраздѣльно углубился въ тайны своего искусства.

Габріель терялъ терпѣніе, движимый совершенно противными чувствами; онъ даже сталъ громко роптать.

Но скульпторъ, именемъ всего святого, за-
казалъ ему не гасить священный огонь и продолжать игру на флейтѣ.

Габріель заигралъ арию изъ Аписа и Галатеи.
— Отлично, право! И это Люлли сочинилъ. Ни дать ни взять! молодой человѣкъ, съ по-
мощью Божію и вашею, я сдѣлаюсь такимъ же славнымъ скульпторомъ, какъ Люлли великий музыкантъ!

Между тѣмъ отдача Фавна становилась болѣе и болѣе художественною.

Послѣ Аписа и Галатеи Габріель сыгралъ арию изъ оперы Прозерпина; потомъ исполь-
нилъ Беллерофона, Персей, Фаэтона. Словомъ сказать, онъ преигралъ всѣ оперы Люлли.— Терпѣніе Десмара уже совершенно лопнуло; отъ усиленной игры у него надрывались лег-
кія; онъ игралъ шесть часовъ не переста-
вая! Когда же будетъ конецъ, вѣчающій дѣло?

Непистовый скульпторъ не унимался: еще!
мой другъ! болѣе! три ляп, если хотите, за-
вашіи труды! Неутомимый музыкантъ сыгралъ еще три оперы Люлли: Психею, Амадиса и Роланда.

Седьмой часъ на исходѣ. Вдругъ скульпторъ выбѣгаetъ изъ мастерской и зоветъ къ

себѣ свою племянницу. Скорѣе сюда, моя
племянница! сюда Николь!

Нельзя описать, какъ подействовало на Габріеля это неожиданное обстоятельство. По всему было видно, что Маріанна во все про-
долженіе игры была цедалеко отъ мастерской. Коазевокъ, въ первые минуты своего не удер-
жимаго восторга, обнималъ старую служанку и благоларилъ ее за безцѣнную находку.

— И такъ, мои мысли Маріанна и Николь, теп-
ерь я спасенъ; слава обо мнѣ, какъ о зна-
менитомъ скульпторѣ, откликается во всѣхъ
концахъ вселенной!

Затѣмъ онъ поторопился сгладить еще вѣ-
которые неровности, подмѣченныя имъ на
Фавнѣ.

Габріель, вдохновенно настроенный при-
сутствиемъ Маріанны, опять сталъ играть;
его инструментъ издавалъ неземные, скро-
венные звуки. Никогда еще Габріель не увѣ-
калъся такъ ретиво, даже подъ вліяніемъ шум-
ныхъ и елинодушныхъ рукоплесканій публи-
ки. Наконецъ скульпторъ завершилъ свое не-
досягаемое созданіе, въ послѣдній разъ уда-
ривъ своимъ рѣзцемъ.

Маріанна вся превратилась въ слухъ и вни-
маніе. Неизобразима была картина, которую
представляли тогда Маріанна и Габріель!

Сила экстаза повергнула скульптора въ из-
неможеніе О! ты артистъ, и артистъ перво-
степенный,—такъ привѣтствовалъ Десмара
Коазевокъ.

— Хочешь-ли я тебя поставлю неизмѣримо
высоко на общественной лѣстницѣ?

Но вдругъ онъ остановился, подумавъ, что,
можетъ быть, не того ищетъ Габріель. Онъ хотѣлъ-было заплатить ему деньгами. Ар-
тистъ напрямикъ отказался отъ ничтожнаго
металла. Послѣ упорной борьбы, Коазевокъ
рѣшился доказать на опытѣ, что онъ во что-
бы то ни стало долженъ наградить великаго
художника. Скульпторъ, безъ дальнихъ око-
личностей, взялъ руку Маріанны и отдалъ
ее Габріелю.

—И такъ, заключилъ Коазевокъ, теперь я могу сказать, что долг платежемъ красенъ.

Габріель и Маріанна сдѣлались супружами, и игра на флейтѣ еще долго услаждала ихъ; долго они радовались и свѣтло торжествовали победу флейты надъ стойкостью непріступнаго скульптора.

M. Mitrosoich.

Харьковъ, 1858 г.

Къ В.... В.....

Не все́ чайы памъ въ этой жизни
Даны для радости прямой;
Не все́мъ въль сужено до тривы
Прожить безропотно вѣкъ свой.
Иной скорбить все о потерѣ,
Иной о чёмъ-то о другомъ,
Тотъ ищетъ утѣшенья въ вѣрѣ,
Другой въ разг҃уле удаломъ...
Ты также стражлешь, также стонешь
Подъ иной гора и страстей;
Но тайны сердца не откроешь
На судъ безчувственныхъ людей.
Когдажъ въ тиши уединенья
Обсущишь ты коварный свѣтъ,
Въ лушѣ родится убѣжденье,
Что въ мірѣ этомъ счастья неѣть.
Съ улыбкой горькою, съ досадой
Посмотришь ты и въ жизни даль,
Тамъ манигъ что-то нась отрадой,
Межъ тѣмъ все грустно, все печаль...
Такъ вотъ къ чему въ сей жизни опытъ
Доволитъ каждого порой,
И человѣкъ свой тяжкій ропотъ
Не кончитъ эдѣсь, борясь съ судьбой!
Онь ищетъ лучшаго, все счастья,
Судьба жъ насмѣшиво глядитъ,
И вмѣсто счастья шлетъ несчастье,
А онъ въ уныни все скорбить....

Забуду-же лучше всѣ невзгоды
И все, чѣмъ тяготинься ты,
Когда нибуль настанутъ голы
Взамѣнъ всей прежней пустоты!..

Mi.... Pi....

Харьковъ.

14 Февраля 1858 г.

КОНЦЕРТЪ, 16 ФЕВРАЛЯ.

Въ воскресенье, 16 февраля, въ залѣ второї харьковской гимназии, данъ быъ г. Дмитріевымъ концертъ на фортепьянно, въ которомъ участвовали гг. Вильчекъ и Юнкельманъ. Программа концерта: гг. Дмитріевъ и Вильчекъ играли на двухъ фортепьянно сонату As dur, соч. Гуммеля. Г. Дмитріевъ исполнилъ фантазію на темы изъ оперы Семірамида Россини—Тальберга. Г. Юнкельманъ исполнилъ на фисъ-гармоникѣ, вмѣсто обѣщанного мелодикона, съ аккомпанементомъ фортепьянно, двѣ пѣсни безъ словъ—Мендельсона—Бартольди. Г. Дмитріевъ исполнилъ Scherzo Шопена. Г. Юнкельманъ опять на фисъ-гармоникѣ, а не на мелодиконѣ сыгралъ переложенное имъ анданте изъ 5-й симфоніи Бетговена. Наконецъ, г. Дмитріевъ исполнилъ три пѣсы своего сочиненія: а) мазурка, б) Un tour de valse, и с) Souvenir d'un bal (Impromptu).

Выборъ пѣсъ, взятыхъ съ лучшихъ страницъ музыкального репертуара, какъ видите, сдѣланъ удачно и отличается замѣчательною разнохарактерностію. Концертантъ, следовательно, вправѣ быъ расчитывать на вниманіе образованной публики (подъ которой мы разумѣемъ многочисленныхъ любителей гармоніи и изящнаго и немногихъ знатоковъ).

музыкального дѣла), висколько не опасаюсь при этомъ скороспѣлыхъ и потому пустозвонныхъ толковъ и приговоровъ придирчиваго и взыскательнаго дилеттантизма.

Отчего же, спросите, можетъ быть, благосклонный читатель, не смотря на такія благопріятныя условія, обѣщавшія хороший сборъ, гостей у г. Дмитріева было очень немногого; собрался лишь небольшой (по Харькову) кружокъ записныхъ меломановъ да десятокъ-другой досужнаго люда, привыкшаго возмѣщать вѣчную пустоту кармана блаженной полнотою души,—завидною бодростью дуза и ясною, грѣющею, что южное солнышко, надеждой?—Охотно отвѣчаемъ; извольте прислушать.

Почтеній Анаксагоръ Вареоломеичъ, страсть, припадочно, если можно такъ выражаться, любящій музыку, рѣшительно не могъ быть въ гостяхъ у нашего виртуоза, потому что въ карманѣ у него оказался все-года-все одинъ руб. сер., а за входъ въ концертъ нужно было заплатить 2 руб. сер.—Неугомонный и раздражительный Нанкратій Калистратычъ, десятки лѣтъ отыскивающей въ Божиемъ мірѣ золотую середину и не обрѣтающей ея, утверждаетъ, что за удовольствіе слушать Ластава и Тальберга плачивалъ онъ 1 руб. 50 и 2 руб. сер., недороже. Положимъ,—приможиъ онъ,—нынче не то, что прежде.... все стало дороже... дрова, напримѣръ, говорить хозяйка, вздорожали и проч.... но середина всѣ-таки должна быть соблюдена; хоть заживо ложись въ могилу!...

Семейные люди, не богатые на деньги, узнавъ цѣну концерта, покачивали головой, и, послѣ самаго неголоводомнаго расчета, приходили въ заключенію, что не расчетъ идти имъ въ концертъ, потому что, ради желанія доставить удовольствіе хоть старшей дочери, отказать въ немъ меньшой—значитъ нарушить добродѣтельное согласіе. Мысли простыя, но глубоко-справедливыя и взятыя прямо изъ повседневнаго быта, богатаго драмами, изъ которыхъ плетется наша жизнь.

Мы увѣрены, что многіе и многіе не отказали бы себѣ въ удовольствіи послушать мастерскую музыку г. Дмитріева, еслибы не цѣна, а цѣны были назначены: 2 р., 1 р. и дешевле, сообразно съ помѣщеніемъ, выбраннымъ для концерта.

Заключимъ статейку немногими, украдкой нами подслушанными, словами объ исполненіи. Г. Дмитріева осыпало рукоплесканіями и вызовами; знатоки, между прочимъ, находили, что механизмъ у него развитъ на счетъ чувства и жизненности, которыя непремѣнно должны слышаться или звучать (не помню, что именно) въ музыкальныхъ произведеніяхъ. Сосѣдъ мой, такой же немузикальный господинъ, какъ и я, вторилъ знатокамъ, и на-ухо шепнулъ мнѣ, злодѣй, что когда его Сашурка, въ которой онъ душа не чаеть, исполняетъ что выбудъ на рояли, съ наклоненною головкой и поднятыми вверхъ очами, изъ которыхъ того-и-глаза посыпаются перлы въ жемчужины, такъ что твоя симфонія и мелодія!... Бездна души и чувства!... Ну, просто выложитъ душу на ладонь, въ твое, то есть, полное хозяйство; а ты стояишь какъ одурѣлый, ни назадъ, ни впередъ....языкъ, словно маятникъ на огромныхъ стѣнныхъ часахъ, еле-еле двигается... Еслибы въ такую минуту,—заключилъ сосѣдъ-забавникъ,—посыпалось мнѣ тренканье гуло-дребезжаній балахайки, я бы спорвалъ до слезъ, что это звуки оркестра, использующаго ораторію.

Л. М.....г.

Харьковъ.
18 Февраля 1858 г.

ВМѢСТО ЧИСТОЙ СТРАНИЦЫ.

Не знаю, каждому ли по заказу пишущему статьи и статьи для печати пра-

ходится хоть изредка быть въ томъ непріятномъ положеніи, когда предстоитъ крайняя необходимость написать что-нибудь, и притомъ къ известному сроку, а тутъ, какъ на ту бѣду, нѣтъ ничего такого, о чёмъ бы можно было нѣсколько сказать вѣселько словъ, по крайней мѣре, съ тою интересною какъ для пишущаго, такъ и для читающаго цѣлью, чтобы не оставить на листкахъ газеты чистой страницы. Выписывающій газету конечно имѣть полное право изъявлять свои претензіи за всякую чистую въ ней страницу, потому что онъ платить деньги не за чистую бумагу, а собственно за то, что напечатано на ней; и потому для удовлетворенія подобныхъ претензій необходимо бываетъ иногда написать хоть что-нибудь. На сколько въ этомъ случаѣ справедлива мысль «лучше чтонибудь, нежели ничего» опредѣлять не берусь, имѣя на то свои причины, но оставляю этотъ трудъ на долю читателя, если ему угодно будетъ заняться этимъ пріятнымъ размышленіемъ; самъ-же между тѣмъ займусь полезнымъ дѣломъ—напишу нѣсколько строкъ съ цѣлью занять ими чистую страницу. Правду сказать, я тоже не люблю, когда бумага пропадаетъ даромъ, и даже не могу быть равнодушнымъ, когда глазъ мой видитъ чистую бумагу; нутакъ и хочется чтонибудь написать на ней, а когда мысль не вижется, черчу какія нибудь фигурки. Странность не послѣдняя, за которую впрочемъ не разъ уже приходилось и приплачиваться.... На дняхъ захожу я въ одинъ знакомый мнѣ домъ, гдѣ меня радушно встрѣтили и усадили около стола, на которомъ лежало нѣсколько листовъ бумаги и возлѣ стоялъ чернильный приборъ. Говорили о томъ-о семъ, наконецъ начали рассказывать о странностяхъ одного очень пралично одѣтаго господина, которого передъ тѣмъ встрѣчили въ городѣ, и именно о томъ, какъ этотъ очень пралично одѣтый господинъ, гуляя по одной изъ лучшихъ улицъ Харькова,лючемъ отъ своей комнаты на тротуарныхъ тумбахъ

разбивалъ орѣхи и кушалъ ихъ такъ покойно и не стѣсняясь, какъ бы у себя дома. Слушая разсказъ о пріаждливомъ и очень пралично одѣтомъ господинѣ, я взялъ перо, обмокнувъ его въ чернила и въ разсѣянности началъ рисовать тротуарныя тумбы на одномъ изъ листовъ бумаги, лежавшей передо мною на столѣ. Сначала этого никто не замѣтилъ, и я свободно предавался моимъ обычнымъ занятіямъ, какъ вдругъ хозяинъ дома вскрынулъ, чѣмъ заставилъ меня невольно уронить на ту же бумагу перо, и еще болѣе испачкать ее... Вообразите мое удивленіе! Переворачиваю на другую сторону бумагу и вижу, что все лежавшіе на столѣ листы были приготовлены для контрактовъ, и тотъ листъ, на которомъ я занимался изображеніемъ тротуарныхъ тумбъ, стоилъ 18 руб. серебр!....

Конечно виноватъ былъ не я, а хозяинъ дома, потому что положилъ на столъ бумагу не лицевой стороны, иначе я удержался бы отъ моей страсти пачкать бумагу. Вѣдь не только бумагу, но и всякий предметъ видѣть съ лицевой его стороны—дѣло не послѣдней важности, а иной, посмотрѣши, цѣлый вѣкъ свой прокалатаетъ съ тѣмъ, что все видѣть и понимаетъ на изнанку.....

Страницинъ.

Харьковъ.

21 Февраля 1858 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

На основанії 5-го примѣчанія къ § 15-му
1-го отдѣленія 5-й главы Устава о производ-